

На правах рукописи

В.П.Водолацкий

ВОДОЛАЦКИЙ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ

**КАЗАЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

22 ДЕК 2011

Ростов-на-Дону – 2011

**Работа выполнена в
ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»**

Официальные оппоненты:	доктор социологических наук, профессор Епифанцев Сергей Николаевич
	доктор социологических наук, профессор Гуськов Игорь Александрович
	доктор социологических наук, профессор Щербакова Лидия Ильинична
Ведущая организация:	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Защита состоится «27» декабря 2011 г. в 10⁰⁰ на заседании диссертационного совета Д 212.208.01. по философским и социологическим наукам в ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160, ИППК Южного федерального университета, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «26» ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

A.B. Верещагина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современное российское общество, пережив период социальных трансформаций, характеризуется прохождением точки невозврата к прошлому и неопределенностью перспектив социального развития, ростом социальной напряженности.

Между тем, на фоне социальной напряженности, формирования параллельных социальных миров, фактически, не прослеживаются роль и значение казачества как социальной общности, обладающей определенными этнокультурными и социокультурными параметрами и переживающей неоднозначный сложный период возрождения, становления и развития в современных условиях. Казачество часто описывается в романтически синхронитательных или саркастических тонах, характеризуется как группа социальной арханки, как реинкарнация военного слова.

На наш взгляд, роль казачества во многом проецирует проблемы формирования социальной структуры, институционализации социальных практик, социальной идентификации российского общества и в этом смысле является презентативным для исследования нелинейных общественных процессов.

Социологическое исследование этой проблематики не может обойтись без внимания к процессам, происходящим вокруг и внутри казачества. Социальные проблемы, которые переживает российское общество, привели к тому, что казачество стало самореферентной группой, ориентированной на самовоспроизведение и самовыживание. Это и другие противоречия общественной жизни нуждаются в изучении и оценке.

Исследование казачества должно выявить перспективы становления и укрепления российского государства, а для того, чтобы говорить о его терминальной ценности, нужно обратиться к историческому и современному опыту казачества. Идентификация казачества с государством, в отличие от других групп, выражена сильно. Но вопрос состоит в том, каково социальное самочувствие казачества? исполнились ли его социальные ожидания? и каким видит себя казачество в современной России?

В том, что российская социологическая мысль сделала определенные шаги в исследовании этносоциальных аспектов казачества не приходится сомневаться. Другое дело, что, во-первых, недостаточные изученность и разработка в отечественной социологической науке концепта становления и развития современного казачества и методологических проблем осмыслиения этой темы не дают возможности объективной всесторонней оценки как пройденного пути казачества, так и того, каково казачество сегодня.

Во-вторых, необходимо глубокое познание казачества, восстановление забытых страниц его истории, что актуально для решения многих проблем социологического анализа развития российского общества и казачества в целом, осознания, что возрождение и развитие казачества невозможны без осмыслиения того, какие исторические ламентации определяют коллективное сознание казачества и его отношение к социальной модернизации российского общества.

В-третьих, логика становления самой российской социологии требует развития и накопления научных знаний в тех сферах социологической мысли, которые считались периферийными, в частности, исследование не укладывающихся в рамки стратификационного анализа групп. Все актуальнее становится вопрос обеспечения преемственности и развития казачества для поиска алгоритма решения существующих проблем и интеграции казачьей общности в общественную жизнь.

В-четвертых, изучение казачества, взаимосвязи периодов и этапов истории во всей сложности и многообразии социокультурной специфики содержит возможности ответа на многие вопросы, касающиеся динамики социальных и этносоциальных отношений в России.

Учитывая, что современное российское казачество представляет сложное социальное явление, достаточно разнородно по культурно-историческим, социальным и деятельностным параметрам, наибольший исследовательский интерес вызывает донское казачество, которое по роли в истории России, поиску форм развития и взаимодействия с государством и обществом, высокой социально-организационной сплоченности выступает реальной социальной группой, оказывающей влияние на развитие региона и страны в целом. В силу этого обстоятельства донское казачество характеризуется генерализующими качествами, дающими возможности достоверности социологического дискурса казачества. Однако современное донское казачество описывается, преимущественно, в регионалистском или культурно-историческом контекстах, что определяет доминирование локализма в подходе к проблемам казачества. Выявление универсальных и региональных параметров в развитии донского казачества открывает путь к системному анализу российского казачества.

Таким образом, существует неисследованный социологический массив, который требует как проработки ключевых теоретико-методологических моментов, так и переопределения, переосмыслиния того, что, казалось бы, уже известно, являясь часто мифологизированным или стереотипным восприятием казачества.

Степень научной разработанности темы. Анализ современной социально-гуманитарной литературы показывает, что в исследовании казачества в основном превалируют историко-культурологический и политологический аспекты. Стараниями российских ученых-историков

сделана немалая работа по становлению истории казачества, прослежены основные этапы и периоды отношений казачества и государства, казачества и российского общества. Свой неоценимый вклад в осмысливание этой проблемы внесли А.В. Венков, В.В. Коваленко, И.А. Казарезов, С.А. Кислицын, А.И. Козлов, В.Н. Королев, А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджиян, С.В. Черницын. Во многом их работы способствовали процессу культурного возрождения, актуализации социальной инициативы казачьего движения.

Однако сам характер работ, их обращенность к прошлому или определенная политизированность сужают возможности социологического анализа, и ценные обобщения данных исследований не вписываются в контекст социологического дискурса. С выделением этноисторических, этносоциальных аспектов развития казачества упускаются важные моменты социальной самоидентификации, социального самоопределения и социального развития казачества, не выявлены корреляции, взаимосвязи становлением социальной структуры российского общества, российского государства и функционированием социальных и государственных институтов.

В работах российских социологов (А.В. Андреев, Ю.Г. Волков, М.К. Горшков, П.Н. Лукичев,) сформулированы теоретико-методологические принципы исследования казачества как автономного этносоциального слоя российского общества; выявлены факторы влияния на поведение казачества социальных и социокультурных перемен. Комплексное исследование казачества, в основном, осуществляется на региональном уровне и не достигло степени системного обобщения, хотя, судя по работам таких исследователей, как О.В. Рвачева, И.Г. Иванцов, В.Н. Ратушняк, можно говорить о формировании определенного теоретического задела.

Интересные обобщения сделаны в работах Г.Г. Матишова, Н.А. Рыбловой, И.О. Тюменцева, В.П. Трута, в которых, несмотря на превалирование исторического аспекта, раскрываются условия становления современного казачества. Проблемы современного казачьего движения осмысливаются в трудах К.Н. Максимова, О.В. Матвеева, Т.А. Невской. Интересные эвристические выводы содержатся в работах А.А. Сazonova, Н.И. Сухановой, Т.С. Ткаченко. Однако преобладание историко-культурологического подхода привело к тому, что казачество в большей степени описывается как традиционная социальная группа, что приводит к сужению оценок казачества. Второй, так называемый государственный, подход закрепляет линию на сословное описание, сужает границы исследования социальной мобильности, рекрутирования, обновления казачества.

Для нас очень важным является обоснование структурно-деятельностной парадигмы исследования, которая, рассматривая каза-

чество через понятие габитуса, социального опыта, социальной биографии, совокупности социально-символических ресурсов, дает возможность рассматривать, каким образом траектории развития казачества являются результатом воздействия социально-институциональной сферы и воспроизводятся в массовых социальных практиках казачества.

Структурно-деятельностный подход реализован в исследованиях Н.И. Шматко о конструируемых социальных группах, где относительно казачества можно сделать выводы о воспроизведении социальных позиций через ассоциацию с определенными социальными институтами; Л.М. Дробижевой, для которой ментальные структуры, самопредставления казачества играют социально мобилизующую роль и определяют инновационную способность вести себя в соответствии с позицией в социальном пространстве.

Однако рассмотрение проблем казачества через создание новых идеологических и политических проектов, что является неизбежным следствием социального конструктивизма, обнаруживает искусственность, насаждаемость определенных казачьих черт, возрождение казачьего быта с целью реализации иных, относимых к современности, целей. Российская социологическая мысль в региональном аспекте предлагает рассмотрение проблем казачества через региональную идентификацию (В.В. Маркин) или ставит вопрос о конфликтном поле регионов (В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко).

В работах Е.И. Дулимова, И.И. Золотарева, А.И. Киблицкого, А.А. Озерова и др. рассмотрены политологические аспекты возрождения казачества, достаточно полно раскрыты особенности политической культуры донского казачества, противоречивое сочетание в ней традиционных и модернизационных ценностей и моделей поведения. Не последовательным предстает в работах политологов политико – правовое регулирование взаимоотношений государства и различных групп казачества.

Казачество как устойчивая форма групповой интеграции с присущими ей культурными характеристиками и самосознанием рассматривается в работах В.Г. Бондаренко, В. Колесова, А.В. Игонина, тем самым, обнаруживая наличие примордиалистского концепта в отношении казачества. Одной из главных составляющих их концепции является инвариантный набор таких проблем, как традиционность, интеграция, воспроизведение структуры.

В работах С.М. Маркедонова о «неоказачестве» возрождение казачества с конструктивистских позиций рассматривается как имитационное, при этом автор не замечает объективных процессов становления казачества и его реальной роли в современном российском обществе.

Конфликтологическая модель описывает социально-политическую и этнополитическую ситуацию, в основе которой находится столкновение

ние интересов различных социальных групп, маркируемых возрождением казачества. В российской социологии обращается внимание на примордиалистский или конструктивистский подходы к становлению казачества. Различие между ними состоит в том, что, если, с одной стороны, присутствует попытка описать казачество как группу досовременного традиционного общества, то с другой стороны, речь идет о проектировании казачества, о запросе элитных или неэлитных групп на формирование общности.

Итак, анализ литературы показывает, что исследование социальности казачества носит, в основном, неявный характер, причем, в социологии данной проблемой в системном виде практически не занимаются, несмотря на то, что изучение казачества способствовало бы закреплению и воспроизведству особо важных для общества социальных отношений, играет свою роль в понимании специфики социальной структуры российского общества. Лишь в последние годы социологическое изучение казачества инициировано Южно-российским филиалом Института социологии РАН.

В предлагаемом в диссертации подходе казачество рассматривается как социальная общность с определенными этнокультурными и этно-социальными особенностями, которые выявляются, актуализируются в процессе самоидентификации казачества. Автор акцентирует внимание на деятельностном аспекте казачества, его влиянии на различные процессы в российском обществе, связанные с ожиданиями повышения политico-правового и социального статусов.

Доминирование примордиализма или конструктивизма в чистом виде приводит к невозможности выработки, интерпретации имманентного внутреннего развития казачества. По сути, в предлагаемых подходах только «обыгрываются» проблемы взаимодействия казачества с обществом и государством и, фактически, утрачивается отношение к обществу, от которых зависят социальные перспективы казачества. Существует немало работ, посвященных различным аспектам истории казачества, объективно закрепляют его значение как социально архаичной группы, группы, обращенной в прошлое с явно ревавиалистскими ретроактивными ожиданиями.

Вот почему для применения системного анализа казачества важно выявление трех основных моментов, которые и характеризуют казачество в российском обществе как форму групповой интеграции: социальная самоидентификация, отношение к государству и обществу, социальные ожидания. Исходя из вышеисказанного, можно отметить, что современное российское казачество находится в динамичном становлении; несмотря на внутренние различия, существует определенное воспроизводство социальных позиций и массовых социальных практик, что направляет исследовательские усилия на осмысление исторического

опыта казачества в тесной связи с коллективным опытом поствоздрожденческого периода.

Гипотеза исследования. Становление современного российского казачества связано с процессом возрождения, реконструкции социальных и социально-символических детерминант (смыслов) казачьей жизни, актуализацией ресурса прошлого на фоне социально-трансформирующегося российского общества. В условиях ослабления государства, возникновения рыночных и демократических институтов, социальной поляризации общества казачество заявило о себе как сила стабильности и порядка, что, с одной стороны, усилило возможности социального представительства, а с другой – обозначило риски социальной арханизации.

Логика становления казачества определяется поиском адекватных форм социальной организации и самоорганизации, нахождением опимальных путей взаимодействия с обществом и государством. С одной стороны, замыкание в возрожденческом контексте содержит риски социальной самоизоляции, ухода на периферию общественной жизни. С другой стороны, осовременивание казачества грозит размыванием этно-культурной и социальной самобытности, границ между казачеством как социальной общностью и дезинтеграцией и расслоением внутри казачьего сообщества. Конфликты между реестровым и нереестровым (общественным) казачеством свидетельствуют о незавершенности путей социальной самоидентификации, хотя уже созданы определенные правовые и политические условия для включения казачества в современную российскую общественно-политическую жизнь.

Социальное развитие казачества проецирует сегментированность российского общества, существование параллельных социальных миров, в связи с чем перспективы казачества определяются потенциалом социальной самоорганизации, актуализации творческого, интеллектуального и социально-мобилизационного потенциала для участия в общенациональных и региональных проектах.

Целью диссертационного исследования является выявление процесса становления и развития казачества, исследование специфики форм социальной интеграции в контексте налаживания диалога с гражданским обществом и государством.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

- определить теоретико-методологические основания исследования казачества как социальной общности;
- выявить формы социальности казачества в контексте социологической мысли;

- сформировать теоретико-методологический конструкт исследования, ориентированный на определение социальных параметров развития казачества;
- рассмотреть социоструктурные детерминанты развития казачьего сообщества;
- охарактеризовать социально-статусные позиции казачества в российском обществе;
- рассмотреть пути и способы социальной интеграции казачества;
- раскрыть специфику институционализации казачества в современных условиях;
- выявить институциональные искажения в развитии казачества;
- изучить институциональную основу взаимодействия казачества, общества и государства;
- раскрыть формы социальной самоидентификации казачества в российском обществе;
- выявить соотношение казачьей и общегосударственной, обще-российской, идентичности;
- охарактеризовать потенциал социальной референтности казачества и перспективы его социального развития.

Объектом исследования выступает казачество как социальная общность, форма групповой интеграции с социокультурными и этнокультурными особенностями.

Предметом исследования является развитие донского казачества как наиболее презентативной части российского казачьего сообщества в контексте взаимодействия с обществом и государством как субъекта социального действия.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, в которых содержатся положения структурно-деятельностного подхода к изучению форм социальной организации, самоорганизации и групповой интеграции. В диссертации актуализировано положение П. Бурдье о социальных структурах субъективности (диспозициях), структурно-индивидуальных взаимодействиях, а также важное методологическое значение имеет концепция традиции П. Штомпки, описывающая механизм сохранения и изменения традиций применительно к контексту социального развития российского казачества.

В формировании теоретико-методологических и эмпирических аспектов исследования нашли отражение выводы российских ученых М.К. Горшкова – о формировании гражданской российской идентичности, как включающей многообразие этнических субидентичностей, креативном потенциале российского общества Ю.Г. Волкова – об актуализации творческих интенций социально-мобилизованных групп;

Н.А. Шматко – о конструируемых социальных группах в групповом социогенезисе в российском обществе. Определенное значение имеют исследовательские разработки А.В. Лубского о специфике становления и развития казачества в постсоветской России, которые ориентируют на выявление идей социального модерна в контексте формирования коллективного сознания и актуализации социально-символического ресурса. Исходя из концепции нелинейного развития казачества, выдвинутой Е.В. Венковым, П.Н. Лукичевым, А.А. Озеровым, А.П. Скориком, в диссертационном исследовании нашли применение положения социокультурного подхода, связанного с рассмотрением социокультурного феномена воздействия на социальные позиции казачества, исторической памяти, представляющей преодоление социокультурной травмы на основе «переопределения» истории казачества. Для решения частных исследовательских задач использовались социально-статистические и социально-прогностические процедуры.

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического исследования «Донское казачество как феномен культуры: опыт социологического исследования» в рамках проекта «Казачество как этносоциальный феномен современной России» на территории 20 населенных пунктов Ростовской области. В данном социологическом исследовании использовался комплексный подход, сочетающий стратифицированную (квотную) выборку и метод «кейс-стади» в рамках отдельных категорий казачества (квот). Общее число респондентов составило 1050 человек, что связано с обеспечением оптимальной презентативности по возрастному, гендерному и территориальному критериям. В выборке нашло отражение деление казачества на «реестровое» и «общественное» в соответствии с количественным составом в структуре казачества.

В качестве вторичного социологического материала использовались результаты социологических исследований, осуществленных коллективом ИС РАН «Российская идентичность в условиях трансформации» (2005 г.), «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2010 – 2011 гг.).

Важную часть эмпирической базы составили федеральные и региональные нормативно-правовые акты, регулирующие этносоциогенез современного казачества, официальные документы и материалы Всевеликого Войска Донского, публикации в СМИ по проблемам казачества.

Наиболее важные научные результаты работы и степень их новизны определяются тем, что в представленной диссертационной работе осуществлен системный анализ процесса становления и развития донского казачества, как презентативной группы российского казачества в целом. В содержательном плане это выражается в следующем:

- сформулирован теоретико-методологический конструкт исследования, исходящий из структурно-деятельностной парадигмы, из опре-

деления казачества как субъекта коллективного опыта и коллективных практик на основе актуализации традиции, как ресурса консолидации и развития, что является шагом вперед по сравнению с интерпретациями казачества как группы традиционного общества или конструируемой социальной группы;

– рассмотрены формы социальности казачества в контексте дискуссии о положении казачества в современном обществе, что связано с расширением возможности социологического анализа казачества как социально-мобилизованной группы, использующей маркер этничности в контексте социального позиционирования, культурных различий как способа дифференциации казачества в обществе, что дает основания рассматривать казачество как этносоциальную общность, в которой этничность является формой социальной мобилизации;

– сформирован теоретико-методологический конструкт исследования в форме многокритериальной модели, выявляющей ключевые в развитии казачества проблемы отношений с обществом и государством, социальной институционализации, социального самоопределения на основании применения модели социальной ресурсности, закрепления за казачеством определенных видов культурного (традиция) и социального (государственничество) капиталов, что является определенным шагом вперед по сравнению с эдакратической и классовой концепциями;

– раскрыты социоструктурные детерминанты развития казачества, связанные с особенностями формирования структуры современного российского общества, социальной дезинтеграции и поляризации, что определяет наличие двух разнонаправленных тенденций: к социальному обособлению и социальной интеграции и практикам минимизации участия в общественной жизни; исследованы социальные позиции казачества, связанные с оценкой его социальной ресурсности, что является определенным шагом в направлении более адекватного определения казачества как группы, находящейся в состоянии социального транзита;

– охарактеризованы социальные позиции казачества, определяемые доминированием культурно-символического ресурса над властными экономическими ресурсами, что дает основания для критики схемы социальной архаизации и выявления специфики социальных позиций, как основанных на доминировании социально-символического ресурса в качестве основного для социального позиционирования;

– рассмотрены специфика, пути и способы социальной интеграции казачества в российском обществе, что связано со сложностями аморфности социально-профессиональной структуры, неэффективностью традиционных, военно-сословных и общинных форм и поиском наиболее оптимальных способов социальной деятельности в связи с освоением новых социальных и социально-профессиональных ниш;

– выявлена логика институционализации казачества, которая характеризуется формированием нормативно-ценностной основы казачьего движения, поиском форм социальной организации и самоорганизации, демонстрирующих наращивание социоадаптивного потенциала, что является свидетельством перехода от стихийности к организационной зрелости и ориентации на модельные институты российского общества, обладающие социально-репутационным капиталом (армия, церковь), что содержит объяснительный потенциал по сравнению с концепциями институционального примыкания казачества;

– определены институциональные искажения в развитии казачества, связанные с узким диапазоном возможностей традиционных институтов, основанных на воспроизведстве казачьего уклада жизни, и неадекватностью использования ресурсов базовых институтов российского общества в целях институциональной устойчивости, что снижает качество приоритетов и задач казачьего движения; это является определенным шагом в понимании институциональных деформаций, связанных с логикой становления новых социальных общностей;

– раскрыта институциональная основа взаимодействия казачества и государства, государства и общества, которая состоит в формировании политico-правовой базы развития казачества и выявлении соответствующих социальных условий. Отмечено, что политика государства, несмотря на ее определенную непоследовательность, содержит курс на развитие социального потенциала казачества, что является определенным инновационным осмыслением по сравнению с описанием казачества как группы социального присоединения;

– рассмотрен процесс социальной самоидентификации казачества, который состоит в переопределении казачьей идентичности в пользу общероссийской, общегосударственной, что дает возможность по-новому переосмыслить как процесс становления казачества, так и формирование общероссийской идентичности;

– охарактеризован процесс социальной самоидентификации казачества, которое от формулы «свой – чужой» в процессе возрождения, воспроизведения социокультурных и социальных различий переходит к сближению с общегосударственной идентичностью, означающей привязку к политico-правовой (государственной) идентификации при самоопределении в социокультурных и социальных координатах региональной среды и определенную консолидированность различных казачьих структур (реестровых и общественных) на уровне социальной самоорганизации в качестве представителей российской политической нации;

– рассмотрены перспективы социального развития казачества в контексте актуализации творческого, интеллектуального и социально-мобилизационного потенциала. Обосновано, что участие казачества в

общенациональных и региональных проектах является оптимальной, наиболее перспективной формой социальной организации казачества в современных условиях, что значительно расширяет представление о социальной базе модернизации в российском обществе и возможностях участия в его жизни.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В социологическом дискурсе казачество определяется как форма групповой интеграции, связанная с возрожденческой мотивацией, с формированием социальной общности на основе актуализации ресурса прошлого, охватывающего представителей различных социальных групп и слоев, использующих участие в казачестве для удовлетворения индивидуальных и групповых социальных амбиций. Это накладывает ограничения на использование в отношении казачества способов и методов, относящихся к описанию групп традиционного общества. В исследовании казачества уместно применение таких ключевых понятий, как социально-мобилизационная группа, воспроизведение социальных позиций, социальное взаимодействие, что связано с логикой структурно-деятельностного подхода, дающего наиболее полный объяснительный, эвристический потенциал для интерпретации и осмысливания развития казачества. Сложности методологической интерпретации развития казачества состоят в наслоении историцистских, культурологических и этницистских схем восприятия казачества, что требует нахождения исходных точек в анализе российского казачества как группы, сформировавшейся в результате социальных трансформаций в российском обществе и действующей по логике социальной субъектности.

2. Дискуссия, развернувшаяся вокруг возрождения казачества, показывает, что акцентирование на, национально-культурной самобытности казачества создает риски социальной самоизоляции, и в социологическом дискурсе означает существование социальных и социокультурных различий, основанных на социальном и этнокультурном дистанцировании казачества. Государственно-правовой подход, внешне адекватный военно-сословным традициям казачества, значительно сужает возможности исследования социальности казачества, как развертывания коллективной деятельности, как процесса самореализации интересов казачества в качестве социальной общности. Социальность казачества как множественность социальных форм, взаимодействующих с различными пластами социокультурного опыта, актуализирует вопрос специфики казачества, которая понимается как связанное с формированием казачества как локальной (этнорегиональной) социальной общности, и универсальности социального развития как путей, позволяющих казачеству осознавать себя частью российского народа. Рассмотрение социальности казачества, как формирующейся в процессе становления социальной субъектности, находит отражение в анализе условий внеш-

ней среды и схем социального восприятия казачеством ключевых для него и российского общества в целом проблем.

3. Структурно-деятельностный подход, фиксирующий взаимопроникновение, взаимовлияние структурных внешних условий и структур социальной субъектности, наиболее адекватен в исследовании развития казачества, так как, по сравнению с существующими структурно-функциональным и институциональным подходами, является открытым по отношению к возникновению новых форм социальности, описывает процесс развития казачества как динамику социального движения, самоопределяющегося в процессе взаимодействия с обществом и государством. В развитии казачества выделяются структурные, институциональные и ценностные самодетерминанты, задающие направленность в воспроизводящемся процессе массовых социальных практик, схем восприятия (ментальных структур) и образцов поведения казачества.

4. Социальные трансформации в современном российском обществе привели к формированию качественно новой социальной структуры, в которой доминируют тенденции возникновения новых классов, углубления социального неравенства и сочетания различных стратификационных систем (сословной, нормативной, этакратической). Казачество является группой, «вышедшей из недр» советского общества с демонстрацией определенных социокультурных и социальных различий, актуализируемых на основе опыта прошлого. В условиях размывания прежних границ классов, групп и слоев формирование казачества как новой этносоциальной общности происходит на основе распада старых социальных групп (крестьянство) и возникновения новых (менеджеры, работники наемного труда, собственники), что приводит к тому, что вхождение в казачество различных групп, достигших различного социального созревания, делает его достаточно аморфной массой по социальному-стратификационным показателям и консолидируемой на основе коллективного опыта.

5. Возрождение казачества происходило на фоне распада советского общества, что в условиях волны этнизации и утраты модели социальной и государственной унификации привело к следованию схеме этничности представления о казачестве как народе. На современном этапе доминирует тенденция социальности, воспроизведения и поиска форм социальной интеграции казачества в обществе, связанная с формированием каналов обмена социально-символического (культурного) капитала на властные и экономические ресурсы, что выводит этничность на субдомinantную позицию в качестве инструментальной ценности.

6. Социальная интеграция казачества в социальную структуру современного российского общества осуществляется разнонаправленно: традиционным способом обретения реестрового статуса через должностную иерархию, включения и участия в государственной службе (во-

енная служба, обеспечение правопорядка) и поиском социальных и социально-экономических ниш в региональном и общенациональном социальном пространстве (социально-экологическая, сельскохозяйственная, культурно-воспитательная, образовательная сферы), основанном на актуализации казачьей традиции, как алгоритма жизнедеятельности и ролевой модели. Инициативы казачества, связанные с расширением социального влияния, встречают поддержку региональной и государственной власти. Вместе с тем интеграция казачества определяется динамикой социальной жизни и влиянием модернизационных эффектов, связанных с возникновением новых социально-профессиональных сфер инейтрализацией последствий локализации (регионализации) общественной жизни.

7. Институционализация казачества связана с принятием соответствующих законодательных актов. Совершенствование правового статуса предполагает повышение адаптивного потенциала казачьей организации и развитие форм казачьего самоуправления. Российское казачество постепенно переходит от традиционных «церемониальных» практик, связанных с сословными традициями, к стратегиям влияния на региональную социальную среду; тот факт, что казачество сосредоточено в российском пограничье, где преобладают социально-депрессивные и этноконфликтные тенденции, делает его незаменимым союзником государства в укреплении социально-политического порядка, но требует формирования социальных норм, повышающих эффективность правового статуса казачества в сфере отношений с государством и сообществом в межличностной сфере. Это выражается в преодолении локализма, изоляционизма, принятия универсального поведенческого кода казачества как социально-мобилизованной группы.

8. В условиях сформировавшегося вертикально-интегрированного политического пространства развитие казачества затягивается в контексте существующих институциональных искажений, связанных с некоторым несоответствием между общественным и государственным запросом и интересами казачества. Институциональное вытеснение локалистских и узкогрупповых норм не возмещается формальными ресурсами, которые не влияют на моральную самолегитимацию казачества внутри казачьего сообщества и по отношению к обществу в целом. На институциональные искажения накладывает отпечаток неоднородность региональной социальной среды и исторического опыта казачества, но все отчетливей становится тенденция лоббирования казачеством своих интересов при отсутствии адекватного представительства в органах федеральной и региональной власти. Положительным представляется социальная консолидация казачества для наращивания формальных и неформальных ресурсов в целях влияния в системе социальных отношений на социокультурное пространство и разнообра-

зие форм социального участия казачества внутри региональных сообществ.

9. Отношения казачества и российского государства, которые описываются как переход от «вольницы» к состоянию «государственности», в реальности не подтверждаются в современном российском обществе, так как казачество выполняет двоякую функцию: являясь «государственной» патриотической организацией, демонстрирующей интегрированность с государственными институтами, и представительством интересов гражданского общества в качестве социальной организации, обладающей социальной и правовой автономией. Правовой статус казачества ориентирует на продолжение сословных традиций, в то время как логика институционализации выводит на открытие горизонтов сотрудничества и кооперации в сфере гражданской общественной жизни. Российское казачество в отношении других общественных групп и течений имеет преимущество в виде коллективного опыта самоорганизации и закрепленных на политико-правовом уровне отношений с государством, что дает возможность выстраивать систему социального представительства на основе использования мощного социального потенциала. Есть все основания полагать, что в связи с организационным оформлением казачества, иерархизацией отношений внутри казачьего сообщества вырастают возможности казачества как посреднической структуры (медиатора) между обществом и государством, а также усиливается влияние казачества как центра согласования различных социальных интересов.

10. Социальная самоидентификация донского казачества характеризуется поиском базовой идентичности. Исходя из параметров состоявшейся российской государственности, донское казачество полагает себя частью российского народа, что свидетельствует о переходе от локальной (казачьей) к государственной идентичности, что в условиях отсутствия в обществе идентификационного консенсуса ставит казачество на передовые позиции в сдвиге от основанной на приверженности традициям или осознанию принадлежности к казачеству (наследственной) к общероссийской, которая ассоциируется с принадлежностью к российскому народу. В современных условиях базовая идентичность казачества претерпела изменения и определяется идентификационным конструктом «мы в мире». Эта потребность реализуется на основе реконструкции исторической памяти в процессе коллективного самоопределения и включения казачества в российский народ, что в силу проективности российской идентичности создает перспективы для становления казачества в качестве самостоятельной социальной общности, ориентированной на социальную консолидацию в рамках российской идентификационной матрицы.

11. Процесс переопределения базовой идентичности казачества выводит на социальную референтность, представление о казачестве как группе, демонстрирующей сочетание локального и универсального идентификационных параметров, в рамках доминирования гражданской идентичности. Позиционирование казачеством позитивной социальной миссии в урегулировании этнонациональных конфликтов, взвешенность социальных эмпатий и антипатий, связанных с отказом от особых социальных привилегий и поддержкой концепции гражданского мира, усиливают в обществе ожидания, связанные с медиаторной ролью казачества между обществом и элитой, обществом и властью. Донское казачество, которое традиционно формировалось на «политической» основе, включая представителей других этносов, обладает высоким уровнем толерантности по отношению к другим народам и конфессиям и способно выполнить роль миротворца в разрешении этнических и конфессиональных конфликтов.

12. Социальные перспективы развития казачества связаны с закреплением форм самоорганизации, укреплением социальных позиций казачества, развитием его базовой идентичности. Важно, что эти идеи воплощены в структуре и практике институтов казачества, и в условиях умеренного доверия казачества к государственным институтам можно констатировать, что самоопределение казачества выходит на актуализацию социально-мобилизационного и интеллектуального потенциала и определяется не столько рамками реальности, сколько горизонтами социальных ожиданий. Наиболее оптимистичный сценарий состоит в вовлечении казачества в региональные и общенациональные проекты в качестве активных участников по реализации программ развития села, воспитания молодежи, образования, культуры, правопорядка. Следовательно, возрастает возможность выбора казачества из множества альтернатив, связанных с этнокультурной и социокультурной спецификой казачества, как способностью к социальному обновлению и творчеству в рамках реализации стратегии социального действия.

Научно-теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что выводы и основные положения, содержащиеся в нем, расширяют научное представление о процессах становления и развития казачества в современном российском обществе, могут быть реализованы в государственной и региональной политике по отношению к казачеству, а также послужить ориентирами в решении проблем внутри казачьего движения и взаимодействия казачества с общественными и государственными структурами.

В целом положения, содержащиеся в работе, и сформулированные автором рекомендации могут быть использованы при разработке государственных и региональных программ социального развития, законодательной деятельности, социально-политического управления, соци-

ального прогнозировании, а также при преподавании социально-гуманитарных дисциплин.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на: ежегодной научной конференции в МГУ им. М.В. Ломоносова «Сорокинские чтения» (г. Москва, 2006–2008 гг.), Международной конференции «Ломоносовские чтения» (г. Москва, 2007–2008 гг.), Третьем Всемирном конгрессе казаков (Новочеркасск, 2008 г.), IV научно-практическая конференция аспирантов Финансовой академии при Правительстве РФ (г. Москва, 2007 г.); Всероссийском социологическом конгрессе (г. Москва, 2008 г.), X Международном симпозиуме «Уникальные феномены и универсальные ценности культуры», Международной научно-практической конференции «Специальное образование: традиции и инновации» (Беларусь, г. Минск, 2010 г.), Международной научно-практической конференции «Опыт и перспективы образования лиц с ограниченными возможностями здоровья» (Украина, г. Киев, 2010 г.).

Материалы исследования были отражены в 21 публикации, из них 2 монографии, статьи, 10 из которых опубликованы в научных журналах, входящих в перечень ВАК Минобрнауки России. Общий объем публикаций – 39,5 п. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих двенадцать параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **Введении** дается обоснование актуальности темы диссертации, раскрывается степень ее научной разработанности, ставятся цель и задачи исследования, определяются объект, предмет, гипотеза исследования, представлена теоретико-методологическая основа диссертации, ее эмпирическая база, формулируются степень научной новизны и положения, выносимые на защиту, обосновывается научно-теоретическая и практическая значимость диссертационной работы, а также ее структура.

Глава 1 «Теоретико-методологические основания исследования казачества» посвящена обоснованию выбора теоретико-методологического подхода к проблемам изучения казачества в современном российском обществе, описанию основных форм социальности и определению эмпирических идентификаторов возрождения, становления и развития.

Параграф 1.1 «Казачество как объект социологической мысли» содержит теоретический анализ казачества как категории социологической мысли, направленный на выявление объяснительного, эвристиче-

ского и аналитического потенциала социологической дефиниции казачества.

Автор диссертационного исследования полагает, что исследование казачества затрудняется по трем причинам. Во-первых, пресловутый феномен феодализации и архаизации, который описывает казачество как исторический реликт или искусственно возрожденную группу. Во-вторых, казачество является уникальным общественным явлением, что не дает возможности сравнительного анализа и использования зарубежного опыта. В-третьих, для понимания казачества необходимо выделение его референтных социетальных качеств в структуре социологического знания.

Если считать, что насущная проблема социологии состоит в том, чтобы найти соотношение между теоретическими понятиями, конструктами и фактами действительности и исходить из классического критерия рациональности истинности/ложности, сразу встает вопрос о различных, подчас не сходящихся противоречивых социальных, социокультурных, социально-бытовых контекстах казачьего движения. Сложившийся в российской социологической мысли образ казачества во многом заимствован из смежных, но далеко не адекватных по теоретической реконструкции, культурологической и исторической сфер.

На взгляд автора, немалый интерес содержит социологическое наследие, сформированное российской социологической мыслью. Отметим, однако, что существующая традиция приписывания казачества к крестьянству в основном соответствует марксистской социологической парадигме и имела практическое значение для советизации казачества. В современных условиях потомки казаков или те, кто заявляет о принадлежности к казачеству, составляют значительную часть городского населения. Отсюда, существует попытка говорить об искусственности, об обреченности казачьего движения, о несовместимости, ментальности профессиональных и социальных навыков представителей современного казачества с бытом, укладом, структурами, существовавшими у казачества в дореволюционный период.

Следует сказать, что в работах современных российских социологов казачество часто не выделяется в качестве самостоятельного объекта исследования по причине неоднородности социально-имущественных параметров, хотя в целом складывается представление о казачестве, как внеэлитной группе населения. Неоднородность и часто несовместимость описываемых социальных стратификационных показателей подвигает к мысли, что перед нами типично социально-мобилизационная группа, феномен самопредставительства, в рамках которого определенная группа лиц, выступая от лица казачества, пытается осуществить свои собственные социальные и политические интересы.

Однако при попытке выделить основные критерии становления и развития казачества и взаимоотношения внутри него, возникает парадоксальная ситуация, связанная с тем, что экономический статус членов казачества весьма неодинаков, что тем не менее не может свидетельствовать о расслоении между бедными и имущими, но в таком случае возникает желание уподобить внутренние конфликты казачества целиком в борьбе за доступ к экономическим и властным ресурсам. Это означает, что казачья общность подвижна, аморфна в той степени, что не обладает стабильностью, позволяющей выявить границы как внутри такого общества, так и по отношению к другим социальным общностям.

Автор диссертации полагает, что российская социология выявляет три типа отношений между казачеством как социальной группой и обществом. Во-первых, в обществе происходит моделирование уподобления казачества другим социальным группам, в результате чего размываются существующие границы между казачеством и другими социальными и этносоциальными группами. Во-вторых, казачество рассматривается как достаточно активная, но с неясными и непродуманными целями группа, переживающая период неопределенности. В-третьих, существует позиция, согласно которой, собственно, казачества как массового движения не существует и от его имени действует группа представительства, субSTITУТ казачества. «Казачий» народ же обозначается только как фон на массовых сборах и мероприятиях.

Можно, таким образом, согласиться с тем, что для исследования казачьего движения следует описывать практики и социального представительства, и социального действия. Неопределенность в большей степени возникает, когда происходит полагание на социальные институции, нежели доминирующие группы, применяющие соответствующие схемы практического действия. В целом казачья тематика только вступила в процесс концептуального осмысления, хотя вырисовываются определенные подходы, связанные с тем, что, избавляясь от влияния этакратизма, этничизма, в социологии прослеживается достаточно сильная тенденция архаизации, маргинализации или самопредставительства казачества, что затрудняет соотношение теоретических концептуальных схем и эмпирического материала.

В параграфе 1.2 «Формы социальности российского казачества» обосновывается положение об этносоциальности казачества как доминирующей формы социальности, содержащей основные социогенетические, социально-деятельностные и социально-ценностные параметры.

Автор диссертации формулирует проблему: «Является ли казачество особым народом или представляет собой субслой русского народа,

сформировавшийся в сложных взаимоотношениях с государством и в контексте традиций, поддержания особого уклада жизни?»

Для того, чтобы увидеть эту проблему изнутри, требуется как рассматривать элементы культурного своеобразия, связанного с сочетанием самоуправления, культуры и государственной службы¹, так и, безусловно, исходить из того, что очень многое, что некогда выглядело весьма ультрадемократичным, утратило на сегодня былое значение². Как отмечают ученые, ряд казачьих традиций прямо противоречит правовым нормам и принципам гуманизма XXI в., что особенно связано с правами молодежи, женщин и созданием новых механизмов делегирования интересов.

Какие формы социальности наиболее актуальны для становления и развития казачества? Автор считает, что в первую очередь, нужно говорить о социальной организации и самоорганизации, организационном структурировании казачества, создании определенной упорядоченной системы, которая, воспитывая лучшие традиции самоуправления и управления, была направлена на интеграцию в социально-политическое пространство российского общества. Если для исторической ретроспективы важно выявить, как казачество пережило периоды вольности, оформления казачьих государственных образований, вольного и невольного сближения с государством, рассказывания и возрождения, то сам процесс возрождения ставит перед казачеством три альтернативы:

что показало себя безуспешными, и это подтверждается рядом исследований, попытки возрождения казачьей государственности, безусловно потерпевшей поражение еще в XVIII в., и выразившейся впоследствии в практике коллаборационизма;

в том, чтобы создать условия национально-культурной и определенной политической автономии казачества на исторических казачьих территориях, что, к сожалению, встречает препятствия, часто не реализуется по инициативе самого казачьего сообщества;

о безусловной интеграции казачества в российское общество, что, впрочем, содержит риск потери этнической и культурной самобытности.

Общность исторического прошлого и конфессиональность выступают достаточно полемическими категориями, так как до сих пор по проблеме общности исторической судьбы пролегает раскол внутри казачества. Между тем необходимо сосредотачиваться на характеристиках не столько сходства, сколько развития, тем более, что попытки пересмотра казачьей истории как истории этнической общности приводят к возрождению определенных страхов и тревог, неприязни между казачьим и неказачьим населением.

¹ Скорик А.П., Озеров А.А. Этносоциальный адрес казачества. Ростов н/Д, 2005. С. 44.

² Там же. С. 45.

Современное казачество, если брать историю его возрождения, столкнулось с проблемой самопознания. Конечно, этничность в условиях распада Советского Союза представлялась наиболее удобным способом для мобилизации казачьих слоев, для консолидации по принципу этносоциальной дистанции. Между тем в казачество вошли не только потомственные казаки, но и те, кто проживал на этой территории кто или тем или иным способом связывает себя с традициями казачества. Поэтому нельзя воскрешать кровно-родственный принцип и говорить о своеобразном культурном национализме, причислении к казачеству по принципу культуры.

Связанные с определенными этническими традициями, имеющими элементы особого дифференцирующего сознания, современное казачество должно относиться к традициям как особой схеме, воспроизведенной связь поколений и открывающей возможности для инновационной социальной деятельности.

Если брать основные направления, рассматривающие проблему соотношения этничности социального и социальности в развитии казачества, такие как этницизм, социологизм и государственничество, то ни одно из них не может претендовать на наиболее полное адекватное воспроизведение специфики казачества, что требует переосмысления существующих концептуальных подходов, исходя из того, что казачество интегрировано, сращено с историей и современностью российского общества и реализует свою самобытность, дающую основания для рассуждения об этничности в рамках российского государства.

Особую сложность в понимании заявленной проблемы придает то, что в российской социологии до сих пор не установлены концептуальные основания этничности и спор примордиалистов и конструктивистов сообразуется с тем, к каким подходам мы имеем отношение в социологии: экзистенциалистским или конструктивистским. Трактуя казачество в духе социологического конструктивизма, можно сказать, что основное внимание уделяется идеологическому уровню, деятельности элит по формированию коллективных представлений, созданию механизмов представительства. Примордиалистский подход является в этом отношении низовым, демократическим. Но в той и другой ситуациях речь не идет о реализации социальных возможностей. Вопрос регулирования отношений между казачеством и другими социальными и этническими группами остается открытым.

Процесс современного социогенезиса казачества позволяет выделить три основных момента:

этницизм, практикуемый в процессе возрождения, вызвал только частичную социальную мобилизацию;

поиск оптимальных форм социального самоопределения привел к попытке универсализации казачьих традиций, направленной на приобщение к общим социальным и культурным стандартам;

перспективы социального самоопределения становятся ясными только в процессе обладания и накопления потенциала социального развития.

В параграфе 1.3 «*Российское казачество в социологическом дискурсе: эмпирическая идентификация*» определяется многокритериальная система эмпирических показателей, связанных с выявлением модальных и специфических (локальных) параметров в социальной жизни современного российского казачества.

Позиция автора диссертации состоит в том, что существует определенный набор аргументов в пользу выбора структурно-деятельностного подхода. Реифицированные (объективированные) абстракции систем и структур, существующих над людьми, принятые в структурно-функциональном и структуралистских подходах, микроабстракции поведения действия, раскрываемые в социологии поведения (М. Вебер), редуцируют социальную жизнь до уровня системных или структурных детерминант или агрегатов поведений и действий.

Применительно к казачеству данное теоретическое положение раскрывает основные пути и способы социологической рефлексии казачества: во-первых, того, что его развитие является естественно историческим процессом, действующим независимо от закономерностей, что мы видим в политико-правовом сословном подходе, и, во-вторых, тому, что абсолютизирует уникальное, специфическое в казачестве, не давая возможности серьезно сосредоточиться и рассмотреть проблемы взаимозависимости казачества и остального общества.

Если определять казачество как социальную группу, действующую в рамках антиномии субъективное–объективное, коллективное–индивидуальное, макро- и микроуровень, которые являлись и остаются составной частью социологии³, можно легко столкнуться с проблемой неэффективных позиций. С этой целью классическая социологическая мысль является полезной с точки зрения выделения социальности путем закрепления бинарных способов мышления.

В действительности, в строгом смысле, казачество представляет собой общность, в описании которой необходимо исследование общества как целого. Применяя схему традиционного / нетрадиционного общества, предложенную Ф. Теннисом, нынешнее рассмотрение казачества может видеться в архаизации, ретрадиционализации, в том, что общественное развитие имеет точки возврата. Но может быть и иное объяснение, дающееся в функционалистском ключе которое заключается в том, что в условиях трансформации общества казачество претендует на вы-

³ Коркюф Ф. Новые социологии. СПб., 2002. С. 9.

полнение качественно новых функций, которые по тем или иным основаниям и причинам, не могут выполнить другие социальные группы.

На взгляд автора, развитие казачества, динамика процессов, происходящих внутри движения и по отношению к нему, должны быть расширены за счет выявления соотношения мотиваций, корреляции влияния окружающей среды и ресурсов казачьей общности.

Концепт социального становления П. Штомпки раскрывает имманентное движение, в котором социальные практики в сфере повседневной жизни помогают осмыслить то, что является логикой социальных перемен. В процессе становления казачества важно представить критерии, которые бы свидетельствовали о том, почему происходил и происходит выбор людей в пользу казачьей самоорганизации, каким образом ресурс прошлого, историческая память трансформируются в интегрирующую силу, что требует рассмотрения казачьего движения как зависящего от конфигурации социальных и политических обстоятельств, относящихся к периоду 90-х годов.

Обратной стороной предлагаемого методологического выбора является наблюдение и интерпретация отношения казачества к ключевым вопросам российской жизни, а именно, его социальное самоопределение и оценка институциональных и структурных изменений, происходящих в российском обществе.

Между двумя состояниями социального – объективированного формами институтов, и истории, воплощенной в системе устойчивых диспозиций⁴ – существует возможность выявления структур субъективности казачьего возрождения посредством восприятия интериоризации внешних обстоятельств. А значит, возрождение казачьего движения представляется как процесс актуализации устремлений, деятельностиного потенциала, который рассматривает внешнюю социальную среду как наиболее благоприятный и приемлемый момент для заявки своих претензий.

В данном исследовательском контексте самоопределение казачества, его социальная субъектность рассматривается как социальное качество, обретаемое в процессе развития. При этом становится ясным, почему общность казачьей судьбы не имела принципиального значения для консолидации казачества как всероссийской структуры. Региональные условия, которые стали оформляющими на постсоветском пространстве, диктовали свою логику.

Чтобы произвести эмпирическую верификацию исследуемого процесса, сформировать совокупность процедур и приемов для того, чтобы установить определенное соответствие между предлагаемой теоретической схемой и эмпирическим социальным полем, внимание концентрируется на трех основных исследовательских блоках: отношении

⁴ Коркюоф Ф. Новые социологии. С. 45.

казачества к прошлому, социальной самоидентификации казачества и казачество в современной российской жизни. Эти блоки связаны с пониманием казачества как группы российского населения (группы российского общества), имеющей определенную этнокультурную специфику.

Предлагаемый в работе теоретико-методологический конструкт имеет еще одно несомненное преимущество: позиции представителей казачьей общности по ключевым вопросам отношения к традиции, другим социальным и этнонациональным группам, оценка отношений с государством, осознание исторической миссии казачества и принадлежности к казачеству выявляют реальные, а не мифологизированные различия между казачеством и другими группами населения – различия, которые не позволяют говорить о существовании этнонациональной, этнокультурной дистанции, но формируют несовпадение позиций по определенным вопросам по отношению к обществу и государству и дают возможность выявить на этом основании социокультурную специфику, влияние того, что мы называем ресурсом прошлого.

Глава 2 «Казачество в социальной структуре российского общества» содержит социологическую экспликацию положения казачества в социальной структуре российского общества, направлена на раскрытие социоструктурных детерминант развития казачества, социально-статусных позиций и состояния социальной интеграции в российском обществе.

В параграфе 2.1 «Социоструктурные детерминанты развития казачества» выявлены как внешнеусловия, связанные со становлением структуры современного российского общества, так и социально-имманентные, определяемые социальной и социокультурной спецификой казачества.

Данные самостоятельного авторского исследования, связанные с донским казачеством, характеризуются умеренно-скептической оценкой социального фона. Большинство опрошенных (каждый третий) полагают, что за истекшее время условия жизни несколько ухудшились. Для 22 % они не изменились, а для 21 % – улучшились. Крайние варианты «заметно ухудшились» (18,3 %) и «заметно улучшились» (3,3 %) свидетельствуют о преобладании в социальной самооценке казачества того, что мы имеем дело или с наращиванием социально-адаптивного потенциала, или казачество считает, что его положение, несмотря на определенные негативные моменты, лучше вследствие казачьего образа жизни.

Анализ приведенных результатов позволяет говорить, что умеренные и умеренно скептические оценки социальной ситуации среди казачества отличаются по сравнению с тем, что наблюдается в целом по стране, в сторону положительной, позитивной динамики. Среди казаков в 2 – 2,5 раза больше оптимистов, по сравнению с модальными показа-

телями по России. На наш взгляд, в этом прослеживаются три существенных момента: во-первых, казачество не склонно демонстрировать социальную ностальгию, так или иначе связанную с положительной оценкой советского прошлого и резким критическим отношением, сформировавшимся к современной социальной ситуации; во-вторых, на положение казачества влияют возможности, связанные с поступлением и получением определенных льгот отнесения государственной службы; в-третьих, в казачьей общности развита, хотя и ограниченным образом, система социальной взаимопомощи.

Вместе с тем, следует отметить, что для респондентов характерны сдержанное отношение к социальным переменам и относительная недовлетворенность своим материальным положением. Вариант «заметно улучшилось» (3,3 %) показывает, что казачество не относится, в основном, к преуспевающим, высоко адаптированным слоям населения, что среди казачества невысок процент крупных и средних предпринимателей или людей других профессий с гарантированно высокими доходами.

Ориентированность на особый казачий статус позволила пережить наиболее глубокие принципиальные изменения, которые для иных групп населения, потерявших социальные и морально-нравственные ориентиры, характеризовалась неопределенностью, неустойчивостью положения, вызывала чувство относительной и абсолютной депривации.

По мнению автора диссертации заслуживает внимания, что респонденты в целом отдают предпочтение региональному аспекту социального самоопределения. Так, позиция «заметно возросла роль казачества» по Ростовской области – 22,9 %, по стране в целом – 8,7%. Такой разрыв, на наш взгляд, объясняется тем, что для казачества присуща тенденция социальной локализации. Они чувствуют себя более комфортно в традиционной стабильной социальной среде, чем на рыночной территории, в крупных мегаполисах, где социальные диспропорции гораздо выше и возрастает чувство социальной депривации, где господствующей является планка материальных доходов, критерии материального преуспевания.

Тем не менее, в подтверждение своего статусного положения казаки хотели бы видеть определенные социальные гарантии, которые закреплены и основываются на их правовом статусе, на включении в государственную службу. Традиционализм казачества выражается в том, что государственная служба является серединным слоем, позволяющим существовать скромно, но с чувством собственного достоинства. Отсюда, возникает предположение, на страхи и тревоги, вызванные социальным расслоением, удержание от падения на социальное дно, приводят к трансформации этакратизма в социальную ориентированность, надежду

в новом социальном порядке найти нишу, которая бы позволяла, апеллируя к традиции, обеспечить относительно стабильный социальный статус.

Реальным приоритетом в этом смысле является повышение социальной ресурсообеспеченности, которая, конечно, не может быть достигнута в условиях концентрации богатства в руках меньшинства населения. Независимо и от обстоятельств, и от особенностей политической и экономической ситуации, вырисовывается тенденция сословизации, тенденция видеть себя служивым сословием, на сословное положение которого могут существенно влиять происходящие в обществе процессы социального расслоения.

Можно также отметить, что в процессе социальной стратификации общества преобладают разъединительные тенденции, различия могут принимать характер социальных барьеров. В этом аспекте казачество выступает за расширение возможностей легальных каналов социальной мобильности, прежде всего, за образование и воспитание. Отвечая на вопрос: «За что сегодня ответственно казачество в первую очередь?», респонденты на первое место ставят «за возрождение традиций народа» (64,3 %); «за возрождение духовности», «за возрождение патриотизма», «за самосохранение казачества».

Таким образом, социальные интересы – обеспечение справедливости (15,5 %), за возрождение народного хозяйства (6,8 %) – являются периферийными по отношению к тому, что мы называем сферой духовности и традиций. В условиях господства рыночных отношений такая позиция казаков может выглядеть конфликтной. Но в обществе, которое, пережив период дикого капитализма, обращается к традициям, казаки, аккумулирующие традиции, представляются группой, которая в отличие от мифического среднего класса может внести действительный вклад в социальную консолидацию в условиях, когда ликвидация разрыва между богатством, рынком и бедностью не представляется скрым и успешным делом.

Не являясь носителями современных рыночных качеств, члены казачьей общности видят свою основную задачу в сфере, которая, казалось бы, выглядит неактуальной для современного российского общества. Это не означает, что казачество претендует на замещение постепенно исчезающей российской интеллигенции. Сложный неоднозначный период становления не привел к перемене основных приоритетов казачьего движения – верности традиции. Но и рассматривать это как проявление этничности, преобладание над социальностью и, соответственно, выключенности казачества из влияния социоструктурных детерминаций не представляется адекватным.

Параграф 2.2 «Этносоциальность и формирование социального статуса казачества» содержит попытку осмыслиения взаимовлияния

этносоциальности как доминирующей формы социальности на социальный статус казачества и коллективных статусных претензий на отношение к этносоциальным параметрам.

Казачество в контексте возрождения устами своей интеллигентской элиты заявило о существовании особого казачьего народа, к которому применимы критерии репрессируемого, дискриминируемого, подвергшегося депортации в период советской власти. Расказачивание воспринималось как насилиственная попытка геноцида, лишение национального самосознания и ассимиляция казачества. Такие резкие заявления, с одной стороны, способствовали политической консолидации, давали повод для определенных властных амбиций, а с другой – настораживали общество, серьезно обеспокоенное волной этнонационализма, этносепаратизма в России.

В социальной структуре российского общества казачество не подпадает под критерии традиционной социально-стратификационной теории, делающей упор на социально-имущественное расслоение. Для казачества социальная мобильность связывается с возрождением традиций и обычаяев, с усилением влияния на сферу духовности, культуры, образования, с бережным отношением к казачьим традициям и последовательной государственной политикой в отношении казачества.

Наибольшее влияние на казачество, конечно, оказал факт достижения реестрового статуса, который определил не столько крен в сторону сословности, возрождение военно-сословных традиций, сколько социальное самочувствие казачества изменилось в пользу умиротворения, перевода этнических амбиций в ресурс взаимодействия с государством. При том, что казачество в целом настроено умеренно скептически относительно своего материального положения, т.е. отсутствует как фактор социального оптимизма, так и социального катастрофизма, все это дает основания считать, что статус казачества изменился, но не настолько, как желают его претенденты.

Анализ результатов проведенного социологического исследования свидетельствует о том, что в казачьем движении превалирующей является позиция, что казаки – это часть русского народа, обладающего особой культурой и традицией (70,7 % респондентов). Меньшинство (8,4 %) придерживаются того мнения, что казаки – это особый народ, что указывает на чрезмерность амбиций или, действительно, архаичность позиций, увлеченность стариной.

Для респондентов очень важно выявление потомственности, связи с предыдущими поколениями, родословная (60,7 % респондентов). Гордость за казачье прошлое, основания считать себя казаком по наследственному статусу могут выглядеть как не отвечающие современным условиям, ограничивающие социальную мобильность, намек на социальную кастовость. Но данную позицию можно интерпретировать как не-

желание сделать казачество номинальным обществом, убрать барьеры на пути посторонних и размыть, тем самым, характер казачьего движения.

Необходимо подчеркнуть, что важной составляющей можно считать позицию «осознание себя казаком». При этом следует иметь в виду, что как раз потомственность выявляет упор на этнические, а не социальные (изменяющиеся) параметры личности в формировании социальных позиций. Этнический проявляется в той степени, в какой казачество пытается привлечь к себе внимание, является социально-аттрактивной позицией. Само понятие «нация» у меньшинства казаков трактуется в традиционном этнонациональном контексте. Понимая эмоциональную легитимность привычного значения, можно сказать, что споры вокруг этничества казачества ведутся внутри казачьей общности, результируясь в понимании безальтернативности существования казачества как части российского народа.

Можно предположить, что респонденты, являясь носителями умеренно скептических позиций относительно возрождения казачества, с одной стороны, видят шаг вперед в образовании Войска Донского, возрождении кадетских корпусов; с другой – не ассоциируют эти события с восстановлением исторической и социальной роли казачества. Характерно, что возрождение традиций является доминирующим в позициях респондентов (73,6 %). На втором месте стоит экономическое возрождение казачества (46,6 %). Такая расстановка приоритетов показывает, что казачество хотело бы, чтобы государство не культивировало традиции или предлагало набор конструируемых традиций казачеству, а создавало условия, при которых традиционность, преемственность могли бы реализоваться, по крайней мере, в региональной социальной среде.

Особо следует отметить то, что социально-статусные позиции современного казачества не несут социально конфликтного потенциала, связаны со стремлением использовать ресурсы социальной самоорганизации, что также заставляет пересмотреть заново представления о том, что якобы казачество стремится стать на иждивение государственной службы.

Автор отмечает, что социальное позиционирование казачества определяется «фактором» этническости в той мере, в которой позволяет компенсировать дефицит «социальной аргументации», связанный с ролью казачества в социальной структуре российского общества. Сложность ситуации состоит в том, что респонденты, осознавая себя казаками, не входят в состояние сравнения с другими социальными и, тем более, социально-профессиональными группами.

В заключение диссертант делает выводы, что социальное позиционирование казачества, во-первых, складывается из принадлежности к базовым социальным слоям населения в контексте использования

принадлежности к казачьей общности, преимущественно, по наследственному, поколенческому признаку. Во-вторых, социальная самооценка доминирует над этничностью, понимаемой как сохранение традиций, культуры и уклада жизни. В-третьих, респонденты, отдавая приоритет вопросам культурного и экономического возрождения, ориентированы на наращивание социального авторитета казачества в современном российском обществе.

В параграфе 2.3. «*Пути и способы интеграции казачества в социальную жизнь современного российского общества*» исследуются внешние и внутренние условия интеграции казачества в современное общество.

Гибкость подходов, поиск оптимальных схем взаимодействия с обществом и государством являются отличительной чертой казачьей элиты. Интеграция казачества в российское общество не может развиваться по однотипным схемам, которые предъявляются к другим социальным и социально-возрастным группам населения. Во-первых, казачья общность и так ощущает себя частью российского населения, следовательно, речь может идти о задействовании социального потенциала казачества для решения общезначимых социальных проблем. Во-вторых, вопрос состоит в том, что казачество на протяжении всей истории утверждало себя как интегрированная с государством, но достаточно социально самостоятельная зрелая группа. Следовательно, речь не идет о периоде социального ученичества, подготовительности казачества к выполнению современной социальной миссии. В-третьих, для казачества характерны трезвая оценка собственных возможностей, реальное понимание тех проблем, которые существуют внутри казачьей среды и по отношению к ней со стороны общества и государства.

Для современного казачества характерно стремление интегрироваться в российское общество, но в качестве уважаемой, узнаваемой, обладающей определенным престижем социальной группы, имеющей достаточный эффективный уровень самопредставительства. В связи с этим обстоятельством можно подчеркнуть, что большинство респондентов, однозначно обозначив сферу влияния и исторической ответственности казачества, не склонны отождествлять себя с деятельностью в чистой сфере. Для них важно, независимо от профессии, быть казаком, нести казачьи традиции, поступать в соответствии с ними, что помогало бы в решении личных и карьерных профессиональных задач.

На наш взгляд, для понимания интеграции казачества важно положение о том, что если различия в собственности ведут к различиям жизненных шансов, то различия в статусе, как правило, ведут к различиям стиля жизни. Стиль жизни задается общей для группы субкультуры, измеряется статусом престижа⁵.

⁵ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996. С. 85.

Отношение респондентов к объединению казачества в целом является положительным, но, учитывая региональную специфику, респонденты достаточно сдержанно, а иногда и ревностно относятся к идеи назначения верховного атамана казачьих войск, считая этот период исторически пройденным и приведшим в свое время к катастрофе казачества, резкой формализации казачьей общинны, государственному закрепощению.

Следует отметить, что, интеграция казачества в социальную жизнь предпочтается по схеме «снизу», как результат усилий казачьей массы, направленный на стабилизацию повседневного уровня и усиления влияния на уровне самопредставительства интересов. Считая, что статусные позиции, позиции престижа и влияния имеют для казаков несравненно высокое значение, по сравнению с материально-имущественными показателями, респонденты ориентируются на обладание профессней, которые бы давали достаточную личную и материальную удовлетворенность, не ассоциируясь с негативным образом делового человека или эффективного менеджера.

Автором выявлено, что облик казачества, занимающий уже достаточно прочное место в социальной жизни российского общества, определяется и в дальнейшем будет определяться тем, как именно будут разрешаться дилеммы социальной интеграции. В широком смысле обеспечение движения казачества к условной социальной интеграции, хотя и не исключает движения в направлении социального изолионизма, является более вероятным.

В условиях российского общества интегрирующая тенденция приводит к тому, что казачество все больше становится новым «традиционным» классом, ориентированным на стабильность и порядок современного общества. По отношению к респондентам предпочтительно первично говорить о формах опережающей социальной адаптивности. Для них возрастание или снижение роли казачества обладает большим приоритетом, чем личный успех. Вместе с тем респонденты разделяют повседневность и свою деятельность в казачестве, так как не находят достаточно точек соприкосновения, чтобы быть казаком во всем.

Три переломных момента характерны для массовой социальной биографии казачества: стремление к возрождению, возникновение внутренней дифференциации и усвоение новой рациональности в условиях модернизации сверху⁶.

Отметим, что респондентами традиционность понимается как позитивное социальное качество. Они видят в традиции залог преодолевать обстоятельства, равняться на предков, но традиции не создают предпосылки для изолированного образа жизни, для запрета на те или иные профессии. Внутри казачьей общинны эти проблемы не имеют

⁶ Радаев В.В., Шкагатан О.И. Указ. соч. С. 647

дифференцирующего влияния, не относятся к разряду первостепенных, что свидетельствует об ориентированности респондентов на социально-модернизационные установки в той мере, в какой они не дадут возможности нарушить целостные коллективные и личностные образы и представления.

Для авторского понимания важно, что, во-первых, интеграция казачества в современное российское общество происходит, хотя и на основе массовых традиционных представлений с ориентацией на новые социальные реалии и расширение социального и социально-профессионального спектров деятельности. Во-вторых, необходимо предоставление равных возможностей казачеству во избежание как социальной дискриминации, так и социальных привилегий в контексте более широкой социальной самостоятельности при помощи государства. В-третьих, донское казачество ощущает себя полностью интегрированным в региональное сообщество, но на уровне страны выражает недовольствие невысоким социально-экономическим статусом и уровнем влияния и участия в формировании казачьей политики государством.

Глава 3 «Институциональные параметры развития казачества» посвящена социологическому исследованию институционального аспекта развития казачества, а также условий формирования его институциональных возможностей.

Парраграф 3.1. «Логика институционализации донского казачества» направлен на раскрытие содержания институциональных «площадок» функционирования и развития казачества.

Институциональные изменения казачества необходимо рассматривать в контексте трансформации социальных институтов российского социума, разрушения институциональных форм советской эпохи и возникновения базовых институтов нового социального порядка. Это означает, что следует отметить институциональные различия, которые характеризуют казачество по сравнению с другими группами населения. Во-первых, несмотря на определенную стихийность, в отличие от групп населения, пустившихся в «рыночное плавание», казачество характеризовалось сохранением и повышением социального статуса, что не приводило к социальной и социально-профессиональной деградации. Во-вторых, если рыночные навыки в российском обществе практически не сформировались или принимались как «воображаемые», и мы получили волну «челночного» бизнеса, казачья организация опиралась на организационный, структурный, институциональный опыт дореволюционного периода, что, конечно, приводило к нежизнеспособности отдельных форм, но в целом давало возможность устойчивого развития. В-третьих, методом «проб и ошибок» казачье движение выработало основные формы институциональных изменений, связанные с тем, что, наряду с

существующими институтами, возникают и новые функциональные заместители.

Опыт реформирования постсоветского общества показал, что расхождения в логике институционализации отдельных групп и деятельности, функционировании базовых институтов приводят к дистанцированию по отношению к институциональным структурам, к несоответствию между запросами движения и коридором институциональных возможностей. Стремясь к более высокому уровню упорядоченности, в обществе использовались, в основном, традиционные ресурсы казачьей дисциплины и коллективного выживания, росло понимание того, что в условиях разобщенности казачество не сможет достичь даже первичных целей и уйти в историческое небытие, только появиввшись на общественной сцене.

Институционализация совмещала использование традиционных форм и способов социальной жизни и введение, заимствование, конструирование новых, включенных в этот процесс как движением снизу, так и влиянием казачьей элиты. Не решив главного вопроса, какое казачье сообщество можно создать, какие цели оно должно преследовать, на основе чего реализовать приоритеты, нельзя выработать более или менее рациональную стратегию развития. Ради чего возникло казачье движение, понятно из того, что лозунг возрождения содержал в себе призыв к привлечению к строительству общества тех групп населения, которые считали себя потомками казаков и хотели бы, решая собственные групповые на социальном мезоуровне цели, участвовать в создании сильного российского государства.

Следует отметить, что для респондентов процесс институционализации не осознается как имеющий конкретные результаты или достигший такого же значения, как высоко оцениваемые исторические даты. В то же время для их позиций характерно понимание норм и традиций, регулирующих жизнь казачества, как имеющих значение в повседневной жизни, правда, внутри казачьего сообщества. В отношении к другим социальным группам прослеживается, скорее, демонстративность, церемониальность с целью подчеркнуть социальные и культурные различия.

По мнению автора диссертации, основной интерес респондентов проявляется по отношению к организационной проблематике, судя по ответам по поводу иерархии казачьего сообщества. Так, 38,5 % положительно воспринимают идею назначения верховного атамана всех казачьих войск, а в совокупности с позицией «скорее положительно» – более 60 %, что свидетельствует о предпочтении респондентами централизации казачьего сообщества, как наиболее соответствующего традициям и имеющего эффективность в рамках вертикально-интегрированного социального порядка. Это имеет и прагматический

контекст, связанный с большей координацией действий с государством, и контекст внутренний, с тем, что для казачества организационные приоритеты до сих пор являются более важными, чем наращивание социо-структурных ресурсов.

На первый план выступают масштабные количественные характеристики, когда речь идет о сохранении или увеличении численности казачества, что было характерно для первого периода. Качественный аспект выражается в оценке координации деятельности в выполнении социальной миссии. В условиях того, что существуют реальные проблемы разобщенности, слабой дисциплины, слабой организации на местах, эти показатели не являются самыми существенными (5,7 % : 2,4 % : 1,9 %). Это связано с тем, что респонденты признают, что в казачьей общине существует, фактически, два уровня институционализации. Первый – повседневный – связан с традицией и осознанием принадлежности к казачьей общине и не требует дополнительных внешних условий, не актуализирует необходимость применения новых формальных норм. Второй – организационный – связан с представительством интересов казачества, с возможностью защиты казачьего сообщества и его местом в социальной жизни России.

Отсутствие передаточного звена, которое бы создавало возможность взаимодействия формальных и неформальных норм, тормозит развитие, накладывает осложнения на деятельность внутри казачьей общины.

«Издержки» легитимации и легализации казачества осознаются респондентами в том, что в ответах на вопрос: «Ощущаете ли Вы потребность узнать больше о казачьих традициях и истории казачества?» 66 % дают положительный ответ. Это имеет отношение к тому, что до сих пор именно традиционный ресурс выступает очень важной структурой самовоспроизведения казачества, что действие новых норм, какими бы они не выглядели логичными, достаточно ограничено, и к нововведению необходимо относиться осторожно, особенно, если они исходят «со стороны».

Сегодня важным представляется переход к коллективным практикам, к действиям, которые бы не повторяли известные церемониальные формы, демонстрируя возможности реального участия казачества в региональной жизни, что подтверждает является формирование казачьих дружин правопорядка, экологических ассоциаций, движений различных культурных и воспитательных ситуаций.

Институционализация в рамках моральной (традиционной) легитимации может выглядеть несозвучной, нерезонансной происходящим в стране переменам, но в условиях доминирования неправовой среды и низкой правовой культуры населения или правового нигилизма казачье

сообщество выступает носителем порядка и группой, демонстрирующей уважение к нормам и правилам социального общежития.

Полагая, что донское казачество в основном определилось в своих отношениях к государственным и социальным институтам, нужно отметить, что, как и для большинства традиционного населения, у казаков более высоким уровнем доверия пользуются Вооруженные силы РФ и церковь, как традиционные социальные институты, пользующиеся авторитетом и доказавшие свою позитивную роль в российской истории.

То, что церковь получила наибольшую поддержку, как и вооруженные силы, набрав, соответственно, 12,6 % и 34,5 %, как наиболее заслуживающие доверия, совпадает с логикой институционализации как укрепления традиционной организации, которая, хотя и определяется как некоммерческая и имеющая формальный правовой статус, в осознании респондентов воспринимается как форма самоорганизации, восходящая в прошлое, не связанная с «короткой родословной» современных общественных движений и некоммерческих структур.

В параграфе 3.2. «*Институциональные деформации в развитии казачества*» выявляются деформационные воздействия, влияющие на эффективность институциональных возможностей казачества, и определяются условия, способствующие снятию институциональных барьеров на пути наращивания социального потенциала казачества.

Диссертантам установлено, что моральная самолегитимация, как результат традиционализма, опоры на историческую память в качестве основного социального ресурса, имеет, с одной стороны, позитивное значение в том, что, в отличие от других социальных групп, казачество пережило период стремительного спада и не испытalo шоковый эффект от проводимых преобразований. С другой стороны, настроения респондентов достаточно аморфны в отношении общественной деятельности, если не считать, что приоритетное значение приобретают сферы культуры и воспитания.

Говоря о влиянии формально-правовых регуляторов, можно отметить, что перед респондентами никогда не встает в полной мере требование поддерживать публичную сферу, несмотря на изменения гражданско-правового статуса. Ориентированность на социальную лояльность не означает, что каждый респондент хотел бы стать собственником. Таким образом, утвердив субъектность казачества, в процессе становления еще не выявлены задачи по производству новых институциональных ресурсов. Разумеется, основным направлением является организационная и нормативная деятельность.

По мнению автора диссертации, проблема институциональной деформации в становлении казачества состоит в том, что само казачество, как организация, не до конца выполняет заявленные функции. Во-первых, речь идет о том, что представление о казачестве, не соответст-

вует реальному участию организации в культурной жизни регионов. Вторых, приоритетность духовной сферы, сферы традиций, патриотизма, отвечая запросам респондентов, осложняет восприятие казачества в обществе, так как именно в этих сферах не существует однозначных критериев оценки деятельности, и стремление респондентов к локализации, «работе» внутри казачьего сообщества не стимулирует потребность в правовых ресурсах как инструменте социальной ответственности.

Характерно, что институциональный барьер состоит в том, что, сосредоточившись на организационных вопросах, вопросах возрождения, построения вертикали власти внутри казачьей общины, в то же время недостаточно разработаны институциональные условия, связанные с правовой и социальной нормативностью, в отношении законодательных и социальных инициатив казачьего сообщества. В этом смысле показательно, что, признавая солидарность донского казачества с другими казачьими войсками на основании «мы – один народ» (46,7 %), респонденты не сформулировали позицию относительно того, в каких формах видится солидарность, тем более, что актуальная степень солидарности оценивается невысоко (высокой ее считают только 10,1 % респондентов).

Также ресурсы традиционности, позволяя пережить периоды потрясений, недостаточны в условиях возникновения неординарных, социально-бифуркационных ситуаций. Следует подчеркнуть, что в организационных усилиях возможности объединения российского и зарубежного казачества, также как и возможности объединения казачества реестрового и общественного внутри России вызывают достаточно сдержанную оценку (положительно, но маловероятно – 47,9 % : 30,1 %). Это свидетельствует о том, что для реестрового казачества, которое заключило соглашение с государством, стало легальным участником общественно-политических процессов, существует преграда.

Сегодня существует опасность того, что за стремления к институциональной стабильности может возникать движение к историческому «ренессансу». Хотя, как отмечает автор, традиции помогают пережить разочарование, смягчают неудовлетворенность повседневным существованием, не дают раствориться в рыночной массе, для того чтобы институциональные барьеры исчезали, чтобы дефицит институциональных ресурсов не исходил из понимания механизмов моральной самолегитимации, институциональная площадка должна быть расширена за счет взаимодействия с вновь возникшими гражданскими и общественными структурами.

В казачество сконцентрировался достаточный потенциал, чтобы традиция переходила в инновационное состояние, стимулировала новые формы социального взаимодействия и влияния. Не ограничиваясь дек-

ларированием позиции, респонденты указывают на желательность возрастания роли казачества в региональной жизни, тем более, что деятельность региональной власти (губернаторы), как считают респонденты, характеризуется наибольшей поддержкой развитию казачества (54 %).

Итак, институциональные искажения связаны с неравномерным распределением институциональных ресурсов, отсутствием каналов перевода традиционных ресурсов в ресурсы инновации, развития, связанные с социально-институциональной деятельностью и ростом социального авторитета казачества. Понимая, что существующие институты власти и собственности являются основными субъектами трансформации, можно сказать, что свою относительную эффективность проявляет только государство, а в системе, основанной на принципах меркантилизма, цели часто формируются под влиянием властных группировок и лоббистских групп.

Институциональный дефицит, который проявляется на уровне дисбаланса традиционного и инновационного ресурса, асимметричного обмена культурных ресурсов на социальные, властные и политические, вызывает эффект стагнации, рост латентных функций. В качестве очевидного примера укажем на то, что традиционность может выражаться в коммерческих проектах, обслуживать интересы отдельных лиц, конечно, если речь не идет о торговле казачьим званием, недопустимым для морально-нравственных устоев движения.

В заключение автор отмечает, что традиции ассоциируются с институтами стабильности и порядка (семьей, церковью, армией), что является позитивным моментом в социальном мироощущении респондентов и вызывает затруднения в адаптации к изменяющимся условиям вне казачьей среды. Для ощущения себя казаком респонденты явно не видят этих возможностей в иных сферах жизни или в том, чтобы вступить в социальный диалог с инновационными группами населения. В частности, история, культура и современная жизнь казачества практически неизвестны молодежи крупных городов. Между тем, очень важное обстоятельство состоит в том, что казачество на региональном уровне могло бы более успешно конкурировать с так называемой сферой досуга и развлечений молодежи, ориентированной на потребительские и китчевые интенции.

В параграф 3.3 «*Казачество и государство: институциональный аспект*» содержится анализ взаимоотношений казачества и российского государства на различных этапах возрождения, становления и развития донского казачества, а также представлены схемы взаимодействия казачества с государством в контексте «казачьей» политики государства.

⁷ Постсоветский институционализм. М., 2006. С. 170.

Автор подчеркивает, что процесс возрождения казачества, с одной стороны, заключается в том, чтобы стать государственным сословием, частью государственной системы, а с другой – продемонстрировать автономность, социальную самостоятельность казачества. Если в начале – середине 90-х годов для федерального центра было характерно отсутствие какой-либо четкой стратегии по отношению к казачеству, и инициатива взаимодействия, как правило, исходила от казачьего сообщества, то с 2000-х годов эта ситуация стала меняться.

Сложившийся в обществе консенсус относительно необходимости укрепления и усиления государства позволил выстраивать новый механизм взаимоотношений с казачеством. В отношении казачества был продемонстрирован принцип условной близости, связанный с ограничением вольности и преодолением разобщенности казачьих войск.

Явный приоритет в этом был отдан донскому казачеству, что нашло свое отражение в формировании института атаманства и включении рычагов влияния донского казачества на политические решения, прежде всего, благодаря присутствию его представителей в государственном аппарате и законодательных органах власти. Эти рычаги, однако, использовались не столько для прямого лоббирования интересов казачества, сколько для влияния на принятие закона о казачестве, конституирующего общие правовые нормы взаимодействия казачества и государства. Выбор в пользу укрепления властной структуры способствовал не только усилинию государства, но, в гораздо большей степени, консолидации федеральной власти и усилению ее позиций в противостоянии с региональными властями и крупным бизнесом⁸.

Интересы казачества в этом отношении сдерживались регионалистскими настроениями и подчинением отдельных казачьих структур внутренним бюрократическим интересам. При этом можно говорить о расширении возможностей государства для влияния на казачество. Эта стратегия, однако, могла сталкиваться с ведомственными и иными интересами. Перипетии, связанные с тем, что дела казачества переходили в сферу компетентности региональной политики, и наконец-то, нашли завершение в формировании представительства Президента по взаимодействию с казачеством, свидетельствуют о нерешенности важной проблемы, связанной с уровнем представительства и подтверждением возросшей активности государственной политики.

К недостаткам, связанным с институциональным дефицитом, можно отнести асимметричность отношений, выражющуюся в том, что казачество слабо представлено даже в региональных парламентах и на уровне местного самоуправления, что не дает возможности хотя бы путем блокирования создать платформу для более интенсивного участия казачества в общественной жизни.

⁸ Постсоветский институционализм. С. 140.

В регионах, где налажен диалог с губернаторами, политика государственной поддержки казачества проводится гораздо эффективнее, чем в тех, где казачество выступает одними, и не самыми заметными, акторами регионального сообщества. Вместе с тем, реализация общих мер по улучшению положения казачества, связанных с изменением его политico-правового статуса, практически уже завершилась. Существенное значение для повышения эффективности деятельности казачьих общин имеют точечные меры, реализуемые в конкретных сферах деятельности.

О том, что казачество не стремится стать чисто политической силой, явствует сам статус гражданской организации, что стимулирует возможности более активной рекомбинации усилий по взаимодействию с различными общественными структурами. Отличительной чертой казачьего общества является то, что оно действует в рамках принятого законодательства. И это утверждение кажется не таким уж тривиальным, если учесть, что большинство заявленных объединений переступают через свой статус НКО (некоммерческой организации) и разными способами стремятся стать акторами политического влияния.

Долгосрочные интересы казачества могут стать базой для возникновения новых механизмов взаимодействия между государством и казачеством. Развитию этого процесса может способствовать тот факт, что казачьи объединения находятся в различных ситуациях, что стимулирует диалог региональных лидеров и может стать платформой для регионализации казачьей политики, открывающей путь к диалогу с федеральным центром.

Восприятие социальных реалий через схему традиционности способствует большей ясности и узнаваемости, а также определяет оценку тех или иных фактов в зависимости от того, соответствуют ли они представлению респондентов об участии казачества в общественной и государственной жизни. На наш взгляд, это связано с тем, что в какой-то мере принадлежность к казачеству не реализуется в возможности влияния на решения властных структур и, в особенности, что касается вопросов казачества.

Поиск адекватных и эффективных форм взаимодействия казачества и государства еще далек от завершения. Формирование института атаманства дает возможность говорить, с одной стороны, об исторической преемственности, а с другой стороны, о том, что существует риск интеграции института атаманства в государственную структуру с целью осуществления контроля над деятельностью и настроениями казачьих общин. В этом нет ничего плохого, если речь идет об определенном уровне взаимопонимания и компетентности и существует возможность возникновения социальных рисков, если традиционные формы не будут восприниматься как помехи на пути осовременивания казачества.

В современном российском обществе, которое представляет собой «коктейль» переходного состояния, где существуют социальные страты, сформировавшиеся еще при социализме, и те, которые могут возникнуть только в процессе рыночных реформ⁹, казачество представляет собой устойчиво развивающуюся группу, на которую действует совокупность территориальных, социокультурных и управлеченческих факторов.

В заключение автор отмечает, что, во-первых, институционализация казачества, в основном, завершилась, хотя основная цель – консолидация всех казачьих войск и возможность его представительства на государственном уровне – не достигнута. Во-вторых, в развитии казачества существует дисбаланс между традиционными и инновационными институтами, что видится преодолеваемым в процессе актуализации, переопределения традиций путем конструирования новых социально-символических кодов для наращивания инновационного ресурса, а также взаимодействия со сложившимися в России рыночными и государственными институтами. В-третьих, существующая модель взаимодействия между казачеством и государством является иерархической, проектирует вертикально интегрированное пространство и в основном соответствует традициям казачества, что связано с преодолением сословного-этакратизма и формированием гражданско-правового компонента деятельности.

Глава 4 «Идентификационная карта современного казачества» содержит социологическое исследование социального самоопределения казачества в российском обществе, связанное с актуализацией на основе социально-символического ресурса коллективной социальной субъектности.

Параграф 4.1. «Донское казачество: поиск форм социального самоопределения» посвящен анализу социального самоопределения донского казачества в социальном и социокультурном контекстах российского общества.

Автор диссертации подчеркивает, что донское казачество, в отличие от других казачьих сообществ, имеет в социальном активе богатый исторический ресурс. Донские казаки активно участвовали в различных эпохальных событиях российской истории, заявляли о себе как о самостоятельной политической силе, их судьба тесно связана с историей страны в ее переломные моменты. Но это, так сказать, в прошлом.

Что же касается современности, то потомки казаков – те, кто осознает себя казаком по родственной линии или принадлежности к казачьей культуре – включились в процесс самоопределения, социального саморазличения на основании ресурса исторической памяти. Можно, однако, выявить и определенную трудность, связанную с тем, что часто линия исторической преемственности прерывается и, фактически, воз-

⁹ Куда идет Россия: власть, общество, личность? М., 2000. С. 244.

никает новый народ. Так, современные итальянцы или греки только могут называть себя потомками древних греков и римлян, в реальности являясь новыми социокультурными и этнокультурными образованиями.

Понимание идентичности как процесса самоопределения, самоучисления, самоотнесения казачьей общности с другими, выявляет проблему сходств и различий, дистанцирующих и сближающих факторов. Проблема социальной идентификации, таким образом, включает два вопроса: самосознание казачества и сравнение по принципу «мы» – «они». Говоря о первом конституирующем моменте, можно отметить, что универсальность, внутригрупповая консолидация казачества связана с историческим ресурсом, с тем, что казачество ощущает себя особой частью российского народа, а также с особой ролью казачества в жизни общества и страны.

Существующая иерархия идентификационных статусов дает основания считать, что мы имеем дело с группой, которая больше ориентирована на определение в социально-политическом пространстве, пространстве в отношениях между государством и обществом, чем в социально-профессиональном. В этом контексте ясно, что, несмотря на заявку православной традиции, вероисповедальный момент занимает только средние позиции, наряду с этническим. Можно предположить, что, делая ядром идентификационной иерархии российскую идентичность и примыкающую к ней «коколоядерную» казачью, респонденты считают, что идентичность должна дать ориентиры в развитии казачества, включенного в государство, как самостоятельной социальной и социокультурной группе, но имеющей доступ к государственным ресурсам в контексте исполнения предписываемых традиций и обязательств перед обществом и государством.

Иерархия идентификационных статусов в оценке респондентов позволяет говорить о диссонансе, так как, с одной стороны, социальная идентификация замыкается в современности (политико-правовой статус), с другой – опирается на историческое прошлое. Регулятивной идеей, социальным мифом предстает общность судьбы казачества. Что же касается территориальности, она занимает периферийные позиции, что связано как с изменением территориальных границ казачества, так и существованием казачества в рассеивании, для которого важным является транстерриториальность, привязанность к прошлому.

В условиях ослабления межличностных связей также дефицитом становится чувство социальной эмпатии. Принадлежность к казачеству – это прежде всего, удовлетворение повседневного уровня жизни, в котором идеологические системные матрицы не играют существенной роли. В этом случае следует отметить, что в современном российском об-

ществе социальная категоризация определяется множеством базисных принадлежностей, которые и формируют целостный образ «я»¹⁰.

Автор обращает внимание на то, что позиции респондентов являются, по существу, социально-стратегическими, хотя и обращенными к прошлому, к исторической памяти. Отдавая первое место общероссийской идентичности, респонденты показывают очевидность для них приоритетов государственных интересов на социальном микроуровне. Что же касается казачьей идентичности, она есть только форма, способ выражения и достижения интересов, самопредставительства в той степени, в которой казачество дает себе возможность ощущать себя как казачью общность при установлении границ, что, в свою очередь, не противоречит государственным интересам и не может породить сепаратистских настроений.

Принадлежность к казачеству дает возможность, ощущая принадлежность к государству, вести диалог, быть открытыми для групп, которые, в силу тех или иных причин, не ощущают себя россиянами, или гдероссийская идентичность ощущается изредка. Прежде всего это касается тех групп, которые придерживаются этнической статусности, пытаются, вольно или невольно, поставить ее выше российской идентичности. В межэтнических отношениях казаки, с одной стороны, демонстрируют свою этнокультурную самобытность, что их сближает с носителями этнических статусов, а с другой – являются россиянами, характеризуя свои позиции как представителей российского государства.

В заключение диссертант делает следующие выводы: во-первых, казачья идентичность, «возродившись» как альтернатива краху модели «советского человека», обрела самостоятельное значение в процессе стихийного самоопределения в начале 90-х годов; во-вторых, в контексте укрепления российской государственности и придания казачеству реестрового статуса происходит приобщение к российской идентичности, что связано с государственническими и гражданскими позициями; в-третьих, так как российская государственность не сложилась и не стала всеобщей, казачество находится в состоянии некоторого условного консенсуса, связанного с ожиданиями укрепления позиций, в условиях последовательной политики государства по отношению к казачеству, как россиянам как части российского народа, имеющего собственное представление о себе в мире и исторический опыт самоопределения.

В параграфе 4.2. «Социальная референтность казачества» рассматриваются социально-аттрактивные качества казачества, направленные на усиление его роли в социальной консолидации российского общества.

¹⁰ Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005. С. 311.

Современное казачество вовсе не собирается отождествлять себя с образом «жандарма», несправедливо, необоснованно навеянным и созданным русской революционной радикальной мыслью в конце XIX в. Но есть и другая причина, по которой казачество в силу организационных, профессиональных факторов не готово полностью нести ответственность за борьбу против терроризма, как наиболее реальной угрозы безопасности страны, или становиться центральным участником этнонациональных и гражданских конфликтов. Потому респондентами ясно осознается граница между собственной компетентностью и деятельностью специализированных государственных структур.

Можно сказать, что казачество, демонстрируя приверженность идентичности, не ограниченной сословными или этническими рамками, содержит потенциал социальной консолидации. Как массовая социальная группа, имеющая традиционный тип сознания, респонденты только начинают формировать ядро нации в российском обществе. Это звучит странно в контексте того, что безусловные сторонники российской модернизации и составят новую российскую нацию, но в условиях России группы, исповедующие индивидуальный успех и свободу, достаточно дисперсированы, рассеяны и сконцентрированы на социальном микроравнине.

На взгляд автора диссертационного исследования, казачество может стать той группой, от которой начнется отсчет креативной модернизации страны. Говоря о традиционализме казачьего статуса, необходимо подчеркнуть, что респонденты осознают необходимость переломить стагнационный сценарий общественной жизни и достигнуть консенсуса в обществе по поводу базовых социальных ценностей. Соответственно, можно сказать, что, действуя на уровне синтеза терминальных и инструментальных ценностей, респонденты четко видят терминальность казачьей идентичности в контексте инструментализации социальных отношений. Иными словами, казачья идентичность выступает механизмом селекции, отбора способов достижения социально значимых целей.

Полагая, что казачество в самом начале становления преодолело синдром «советского человека», нейтрально к так называемым модным, демонстративным идентичностям, правомерно считать, что социальная референтность казачества достигла того уровня, который, во-первых, позволяет избежать идентификационных крайностей, во-вторых, содержит потенциал общения в этносоциальной общности. С одной стороны, казаки в отношении к общероссийской идентичности готовы найти способы передачи идентификационных стратегий другим социальным группам и слоям. С другой стороны, выступая как носители общероссийской идентичности, они готовы участвовать в улаживании потенциальных конфликтов, демонстрировать ценности взаимоуважения и доверия между народами России.

Отмечая, что социальная референтность определяется тем, в какой степени группа осознает себя в мире и, самое главное, как она относится к, другим группам, вызывает социальную эмпатию или социальную неприязнь, автор считает, что казачество достигло состояния нейтральности оценок в социальных настроениях россиян. Если в период возрождения казачества в обществе существовали массовые настроения об архаичности, декоративности казаков, был пущен в оборот уничтожительный термин «ряженые», то современность (2000-е годы) характеризуется нарастанием понимания, объективности существования казачества в российском обществе. То, что казачество стало социальной группой, имеющей свои собственные позиции, что выработаны формы организации и самоорганизации казачьего сообщества, – свершившийся социальный факт.

Автор на основе результатов диссертационного исследования показывает, что наконец-то произошло размежевание между тем, что надлежит делать казачеству, и тем, что ему приписывается общественным мнением. Разумеется, продолжаются разговоры о парадном, церемониальном характере казачьей деятельности, о том, что казачья общность до сих пор притягивает людей с социально инертными задатками, но стремящихся к успешной адаптации в современных условиях, тех, кто по деловым, организационным или профессиональным качествам не может вписаться в современную социальную среду. Однако и в самом казачестве, и в обществе растет понимание того, что, являясь составной частью российского общества, казачество может участвовать в решении проблем, затрагивающих не только внутриказачью жизнь, но и имеющих общесоциальный, общенациональный интерес.

Социальная референтность, которая исходит из динамичного отношения общегосударственной и казачьей идентичности, связана с укреплением регионального сообщества и союза славянских народов с практиками толерантности по отношению к другим народам России, является наиболее приемлемым путем социального самоопределения казачьей общины.

В заключение автор отмечает, что, во-первых, проблема социальной референтности возникает в контексте преодоления казачеством исторических обид, адекватной оценки внутриказачьих проблем и необходимости выведения социальной миссии казачества в широкий социальный контекст взаимодействия с другими группами российского общества. Во-вторых, осознавая себя носителями общероссийской казачьей идентичности, респонденты разделяют тревогу и обеспокоенность россиян по поводу имеющихся значимых социальных проблем и считают, что традиции консолидации, духовности, верности Отечеству могут иметь позитивное значение в нарастании социально-медиаторного, социально-референтного состояния казачьего сообщества. В-третьих, судя

по позициям респондентов, можно сделать вывод, что понимание взаимосвязанных казачьих и общесоциальных, общенациональных проблем создает условия для усиления роли казачьей идентичности как идентичности соревновательной, ведущей к росту социально-ответственного поведения, и готовности к вступлению в диалог с другими культурными мирами в общероссийском пространстве.

В параграфе 4.3. «Перспективы социального развития казачества» находит освещение анализ и оценка перспектив социального развития казачества в качестве социально-референтной и креативной группы российского общества.

В условиях конкуренции различных политических сил в вертикально интегрированном пространстве и поддержании большинством населения России курса на стабильность и порядок, очевидно, что казачья общность уже не может удовлетворяться достигнутыми целями. Мы имеем в виду инерционный и инновационный сценарии развития. Если двигаться по пути социальной инерции, становится ясным, что еще будут происходить изменения, пусть не масштабного характера, а полувинчтые, связанные с удовлетворением актуальных конъюнктурных запросов. Инновационный сценарий предполагает концентрацию ресурсов казачества на основных направлениях, заявленных, по мнению респондентов, в социальной миссии, в социальной ответственности казачества.

Инерционный сценарий, так или иначе, предполагает «торг» по второстепенным вопросам со стороны казачьей элиты и воспроизведение в определенных масштабах известных слабостей казачьего движения при усилении протекционистской роли государства. В этой ситуации казачество обречено на самовоспроизводство и ориентировано не столько на стабильность и порядок, сколько на неизменность. Традиционность используется как оправдание стратегии выжидания или сохранения позиций. Является ли этот сценарий для казачества безальтернативным? Можно согласиться с этим, если принимать во внимание социальную дезинтегрированность российского общества, неэффективность деятельности государственного аппарата, рост проблем регионального развития.

В инерционном сценарии можно обнаружить и позитивные моменты. Речь идет о том, что казачество, имея достаточный потенциал к самовоспроизводству, достигнув определенной организационной зрелости и создания системы управления, может не опасаться серьезных потрясений и расколов в казачьем движении. Правда, если не выходить за рамки системы организационного функционирования, с объективной точки зрения такую ситуацию можно оправдать тем, что в условиях нарастания отложенных общественных проблем и экономии на финанси-

ровании общенациональных программ о каких-то перспективных результатах говорить рано.

Для респондентов очень важна стабильность внутри казачьего общества в том, чтобы статус казачества был легитимирован не только в моральном, но и в правовом аспекте, и, при недифференцированном доверии к социальным институтам, явствует, что подавляющее число респондентов не настроено на демонтаж существующего общественно-политического устройства. Как на личностном уровне (только каждый пятый выявляет вербально экстремистские настроения, что, впрочем, не означает «баррикадное» мышление), так и по отношению к системным эффектам существует достаточно взвешенная позиция.

Являясь сторонниками внедрения новейших технологий (69,2 %), респонденты отрицательно относятся к смене российских ценностей общемировыми (одобряют только 7,6 % респондентов), что и понятно, исходя из традиционализма социальных позиций, и не склонны считать, что демократическая ценность политической системы, которая на обычном уровне означает произвол, разболтанность и коррумпированность, могла каким-то образом позитивно повлиять на жизнь казачества. При этом необходимо внести пояснение, связанное с тем, что для респондентов демократия не выступает самоценностью, а если и должна осуществляться, то в качестве инструмента, способа наведения порядка в государстве и обществе, усиления влияния механизмов права и осуществления принципа равенства перед законом.

В том, что инновационный сценарий предполагает создание соответствующей общественно-организационной структуры, расширение сфер деятельности казачества (экономика, культура, государственная служба), можно увидеть и некоторые трудности. На наш взгляд, это связано с тем, что в целом, сфокусировавшись на вопросах возрождения культурных традиций и сферы духовности, респонденты затрудняются ответить на вопрос, а какие структуры необходимы казачеству, чтобы осуществить инновационный сценарий. Если исходить из традиционализма, следует говорить о возрождении казачьей большой семьи, что, на наш взгляд, не осуществимо в современных условиях.

Автор подчеркивает, что сегодня приходит осознание того, что нельзя держаться на ресурсе памяти, не актуализируя собственные социально-мобилизационный и креативный потенциалы. В этом контексте интересно распределение ответов респондентов на вопрос: «Что является основным препятствием для развития казачьей культуры и традиций?». Инновационную позицию – недостаток человеческих ресурсов и творческих идей со стороны казачества, также как и отсутствие инициативы со стороны казачества – занимают 46 % респондентов, что входит в соразмерность с инерционными позициями, связанными с жалобами

на отсутствие благоприятных внешних обстоятельств, недостаточное финансирование.

Социальная самокритичность респондентов связана с тем, что каждый третий указывает на низкую эффективность организационно-правовых форм казачества. Следовательно, существует необходимость разработки новых правовых рамок для того, чтобы экономическая, культурно-воспитательная деятельность казачества развивалась успешно и отвечала основным требованиям закона о государственной службе, что не отменяет коррекции отдельных его положений. 18,7 %, респондентов, которые признаются, что отсутствует желание сохранять и развивать традицию, можно назвать разочаровавшимися, что означает риск нарастания инертной безразличной массы в условиях реализации стагнационального сценария развития. Для избежания этого обоснованно перевести традицию из режима «поклонения» в алгоритм действия, рецепты решения современных проблем¹¹.

Обновление казачьей организации и самоорганизации через укрепление и развитие казачьей самоидентичности приобретает для респондентов особое значение, так как в обществе, где постепенно осознается безальтернативность перехода от модели оценки по доходам к критериям креативности, включение социально-творческой, социально-инициативной составляющих в массовых практиках казачества определяется тем, насколько эффективно начнут работать инновационные механизмы, насколько образовательный и профессиональный статус позволят казачеству участвовать в осуществлении общенациональных и региональных проектов не в качестве социальных статистов массы, а реальных лидеров, в том числе касающихся непосредственной жизни казачества (социально-экологические, социально-инфраструктурные проблемы).

В заключение автор делает следующие выводы: во-первых, развитие по инерционному сценарию, упор исключительно на традиционность вне расширения социальных практик, может привести к стагнации, возвращению к состоянию самоизоляции и углублению внутриказачьих споров; во-вторых, инерционный сценарий заключается в решении проблем казачьего сообщества в контексте включения в процесс социальной модернизации российского общества и деятельности казачества на тех направлениях, которые, хотя и не имеют отношения к заявленной социальной миссии, но многообещающи в смысле улучшения социального качества казачьего движения.

В **Заключении** подводятся окончательные итоги исследования, излагаются основные выводы по существу анализируемой проблемы, намечаются перспективы дальнейшего изучения казачьей проблематики в социологической мысли.

¹¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 96.

**Основное содержание диссертации отражено
в следующих публикациях:**

Монографии

1. *Водолацкий В.П.* Развитие казачества в современном российском обществе (социальный опыт донского казачества). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. 11 п. л.
2. *Водолацкий В.П.* Муниципальные казачьи дружины. Арчаг, 2002. 5 п. л.

В изданиях Перечня ВАК Минобрнауки России

3. *Водолацкий В.П.* Российское казачество: к теории вопроса // Научная мысль Кавказа. Доп. выпуск 1. 2006. 0,5 п. л.
4. *Водолацкий В.П., Кумыков А.М.* Теоретико-методологические подходы к анализу национального идеала российской государственности // Научная мысль Кавказа. Доп. вып. 1. 2006. 0,6 п. л./ 0,3 п. л.
5. *Водолацкий В.П., Казаков Е.Е.* Российская молодежь: трансформация ценности права // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 11. 0,6 п. л./ 0,3 п. л.
6. *Водолацкий В.П.* Социальная сплоченность казачества и социальный капитал в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 7. 0,5 п. л.
7. *Водолацкий В.П.* Государственность в контексте социального самоопределения казачества // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 11. 0,5 п. л.
8. *Водолацкий В.П., Коршунов А.В.* Основные типы адаптационных стратегий российской молодежи на современном рынке труда // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 11. 0,6 п. л./ 0,3 п. л.
9. *Водолацкий В.П.* Этническое и социальное в самоопределении казачества // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 7. 0,5 п. л.
10. *Водолацкий В.П.* Российская интеллигенция и возрождение казачества // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 11. 0,5 п. л.
11. *Водолацкий В.П.* Российская молодежь и социальные перспективы казачества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. 0,5 п. л.
12. *Водолацкий В.П.* Интеграция казачества в социальную жизнь современного российского общества: проблемы и перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 4. 0,5 п. л.

В других изданиях

13. *Водолацкий В.П.* От Круга к Кругу. Ростов н/Д, 2001. 3 п. л.

14. *Водолацкий В.П.* Казачество как объект социологической мысли. Ростов н/Д: Антей, 2006. 1 п. л.
15. *Водолацкий В.П.* Социальная референтность казачества. Ростов н/Д: Антей, 2007. 1 п. л.
16. *Водолацкий В.П.* Всевеликое войско Донское. Ростов н/Д, 2008. 3 п. л.
17. *Водолацкий В.П.* Идентификационная матрица донского казачества. Ростов н/Д: Антей, 2010. 1 п. л.
18. *Водолацкий В.П.* Социоструктурные детерминанты развития казачества. Ростов н/Д: Антей, 2010. 1 п. л.
19. *Водолацкий В.П.* Донское казачество на службе России: документальное образование. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. 8 п. л.
20. *Водолацкий В.П.* Формы социальности российского казачества. Ростов н/Д: Антей, 2011. 1 п. л.
21. *Водолацкий В.П.* Институционализация и трансформация идентичности донского казачества на Юге России // Материалы Международной конференции «Кавказ – наш общий дом» (г. Ростов-на-Дону, 28–30 сентября 2011 г.). Ростов н/Д, 2011. 0,1 п. л.

Сдано в набор 25.11.2011. Подписано в печать 25.11.2011.
Формат 60x84 1/16. Цифровая печать. Усл. печ. л. 2,0.
Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ 2511/01.

Отпечатано в ЗАО «Центр универсальной полиграфии»
340006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140,
телефон 8-918-570-30-30
www.copy61.ru
e-mail: info@copy61.ru